

Выпуск 485-й

Два с половиной часа он не щадит зрительный зал (и вообще никого не щадит). Рассуждая о «развитом идиотизме», высмеивает, уличает, обвиняет, припечатывает фанатами и цитатами. Зал не обижается: зал никак не может перевести дух, исхотавшись до слез и колик. А он все так же свеж, как в начале встречи, так же эlegantен и изящно ироничен. После концерта, давая интервью, предельно прост и естествен, с ним легко и очень интересно.

Он делится жизненными наблюдениями:
— Наша агитбригада выступает в Тюменской области после митинга, посвященного завершению строительства сернокислотного комбината. На сцене плакат: «Принимай, Родина, серную кислоту!» Парикмахерша стрижет мальчугана и спрашивает его отца: «Будем душить ребенка?» — «Обязательно!» — отвечает заблудивший папа.
Присутствую на уроке английского в поселке Пластун Приморского края. Ученик у доски с трудом читает текст, вместо yesterday произносит yesterday. «Что же это, по-твоему, значит?» — спрашивает учительница. «Вчерась», — отвечает ученик.

Ателье в Ханты-Мансийске. Над столом приемыщи — объявление крупными буквами, почему-то с восклицательным знаком, звучащее, как приказ (с северным акцентом): «Раскрой брюки!» Аэропорт «Менделеево» в Южно-Курильске. По крыльям старенького Ил-14, который сейчас повезет нас на Итуруп, ползает механик с инструментами, что-то привораживает. Наконец спрыгивает наземь, смотрит на нас и машет рукой: «А, ладно! Летите! Все равно уже ничего не исправить...»

Вот такой, щедрый и насмешливый, пришел в гости на нашу 13-ю страницу писатель-сатирик Михаил Николаевич ЗАДОРНОВ.

Гостя расспросил Эдуард ЦЕРКОВЕР.

— И безжалостны же вы, Михаил Николаевич!
— А потому что ни в одной стране мира не смеются над тем, над чем мы смеемся! Даже в слабо развитых странах над этим уже отсмеялись! Но когда иностранцы пробуют над нами смеяться, я это пресекаю. Грех шутить по поводу нас: есть нечего, пить нечего, в воздухе все больше копоти, а мы ничего, даже размножаемся! Ни один японский электронщик не сумеет так поставить «жучок», как мы умеем! У нас вся страна знает, что орехи лучше всего колотить дверью! Именно мы догадались, что полиэтиленовые пакеты можно стирать и, вывернув наизнанку, сушить на прищепочках!
— И все же, мне кажется, сатира не достигает цели. Все ваши предшественники, начиная с «до нашей эры» — Ювенал, Рабле, Свифт, Салтыков-Щедрин, — бичевали пороки, а человечеству хоть бы что. И сегодня я смотрел: публика от восторга рыдала и плакала, но на свой счет ваши уколы и удары не очень-то принимала...
— Не совсем так, практика доказывает обратное. Например, в ка-

ки, хорошие книжки. Говорил: «Ну к кому мы сегодня идем в гости?» Читал «Мертвые души», и мы были в гостях у Манилова и Коробочки. Читал Арсеньева, и мы были у Дерсу Узала. Он никогда не читал мне стихи о букашках-таракашках, всякие «современные» детские книжки. Я рано стал понимать, что истинно, а что лживо. Остро чувствовал бодряческую фальшь документальных киножурналов... Бесконечно благодарен отцу за воспитание. За то, что научил упорству, что заставил, например, с семи лет учить английский и играть в теннис.
— Вы какого уровня теннисист?
— Говорят, играю, как любитель, но чувствую школу. В этом смысле мне крепко повезло: со мной занимается сам Шамиль Тарпищев, тренировавший в свое время сборную команду страны. Он играет с каждым так, как тот заслу-

стане. Перевелся в Московский авиационный институт, а окончив его, десять лет работал в МАИ инженером. Мы организовали агиттеатр «Россия» и десять лет ездили со своими спектаклями, или программами, по Северному морскому пути, по Лене, Камчатке, Приморью, Туркменистану, побывали в Тюмени, трижды — на БАМе (были в 1979 году отмечены премией Ленинского комсомола), и каждое новое путешествие пополняло мои записные книжки анекдотами, забавными случаями. Занимался дикцией, изучал Станиславского.
Отец относился ко всему этому скептически. Но однажды он оказался на юбилейном вечере МАИ. На наш публицистический спектакль собрались выпускники разных лет, знаменитые авиаторы, ведущие конструкторы. На сцене действовало полтора студента! То бы-

— Он эмигрант, бывший наш. Такие пусть лучше от нас уезжают. Две поездки у меня было в Штаты, два импресарио; один показал мне все лучшее в Америке, другой — все худшее... Посмотрел я не только США, но и другие страны, на Кипре был, в Канаде, да стоит ли перечислять.
— Поделитесь самыми первыми впечатлениями об Америке.
— В американских домах никогда не отключается горячая вода: там нет домоуправлений, ЖЭКов или РЭУ, некому отключать... С известной нашей актрисой мы явились, конечно же, на дешевую распродажу; темнокожий продавец, выучивший одну фразу по-русски, немедленно обратился к нею к актрисе: «Бери, дура, завтра не будет!» А потом и ко мне: «Бери, дура, завтра не будет!»
— Вы такой знаменитый, общий любимец, ведете светскую жизнь. Приходится ли теперь соприкасаться с бытом рядовых сограждан? Откуда-то надо черпать материал для сатирических выступлений.
— Живу, в сущности, как все. Может быть, стал меньше ездить в метро. Но я не в стороне от нашей общей жизни, не в оранжерейных условиях. Знакомых множество, они не дадут оторваться от действительности. Например, одна знакомая, районный врач, рассказывает: измученная после работы (приняла полсотни пациентов), заняла в магазине очередь, дождалась, пока кто-то занял за ней, и обратилась к этому человеку: «Я отойду на минутку, запомните меня». Он уточнил: «А вы за кем стоите?» «Вот за этой больной», — привычно ответила знакомая. «Сама ты больная», — обиделась стоявшая впереди женщина... Картинка с натуры.
В Днепропетровском аэропорту видел замечательный транспарант: «Выходя из самолета, убедитесь в наличии трапа!»
В Центральных банях Москвы читаю объявление, написанное от руки женским почерком: «В связи с ремонтом вход в мужскую баню — через женское отделение.»
Встречаю приятеля. «Как поживешь?» — спрашиваю. Ответает: «Как всегда, полосами. Сначала не везет, не везет, не везет... Потом вдруг как не повезет! И снова — не везет, не везет, не везет...»
Подхожу к пивному ларьку и понимаю, что работница этого заведения, не подумав, нечаянно написала замечательную записку: «Сегодня пивом не торгую — отключили воду... На Центральном рынке читаю на ценнике к знаменитым нежинским огурчикам: «Не женские огурцы». Спрашиваю торговца: «Мужские, что ли?» Он всерьез отвечает: «Да, маринованные...» Перед выступлением на одном московском заводе стою за кулисами, идет торжественная часть, председатель месткома делает доклад о дисциплине: «Мы особенно рады тому, что в результате принятых нами мер за последнее время очевидные сдвиги произошли в сознании наших рабочих и служащих...» А вы говорите «соприкасаться с жизнью и бытом».

Михаил Задорнов

ком-нибудь городе я высказываюсь о наших плакатах («Зона отдыха» — логичней ведь написать «Место отдыха»), но мы же не можем без тюремной лексики, у нас зоны; или «Сохраним окружающую среду!», или «Жить и работать с ускорением» — работать ладно, а жить-то с ускорением зачем? «Трезвость — норма жизни», а рядом «Норма — две бутылки на один талон» и так далее). И вижу, что через день-другой в этом городе бессмысленные плакаты и лозунги начинают исчезать. Выходит, действует? На каждом концерте из зала присылают «перлы», специально записанные для моей коллекции глупостей. И вы не правы, что на свой счет не принимаете: кто честен, тот принимает. Да и другие соображают, что это — про них.

— Хлопотно быть Михаилом Задорновым?
— Очень хлопотно! Все время в пути, и надо писать, и выступать, и домом своим заниматься, и спорт нельзя забрасывать. А теперь еще создаем театр, становлюсь художественным руководителем. Будут эстрадные спектакли, объединенные сквозной темой, произведения Арканова, Горина, де Филиппо...
— У вас просто «болдинский год» складывается. Видел две ваши новые книги: «Счастливые числа» и «По просьбам зрителей». Получаю четвертый номер «Авроры», а в нем ваши «Заметки якобы об Америке». Раскрываю сборник «Современная драматургия» — там ваша пьеса «Последняя попытка».

— Откровенно говоря, мне не нравится второй акт. Если возьмутся два очень хороших актера, они, может быть, вытянут, восполнят недостатки драматургии. Пьесу расцениваю как переходный период — правда, не знаю, к чему.
— Жванецкий описывает реакцию домашних на писателя-сатирика: «Что ты все время сидишь и думаешь? Постирал бы что-нибудь!». А у вас как?

— Это одесский вариант Мы из Прибалтики, у нас иначе.
— Как вы, критик-ниспровергатель всего и вся, относитесь к майским праздникам?

— Они ассоциируются у меня с детством, с чем-то очень добрым и светлым. Руки отца поднимают меня на демонстрации, чтобы больше увидел... Не могу до конца понять, чему в сущности посвящен нынешний Первомай, но в моем хромосомном наборе — радость этого праздника. Ну, а 9 Мая — вообще святой день, Победа. В памяти — восторг салютов времен отрочества (и возможность «под салют» поцеловать знакомую девочку). У Дня Победы долгая жизнь, он и для многих живущих в других странах остается Днем Победы.
— Скажите, в детстве у вас отмечались качества, обещающие, что вы станете писателем и именно сатириком?

— Во всяком случае, родился и рос я в литературной семье (жили мы в Риге). Кстати, в год моего рождения отец получил Государственную премию СССР (за романы «Амур-батюшка» и другие) и не собирается от нее отказываться... Он читал мне, пятилетнему, книж-

живает. Между прочим, рассказывает: играет с кем-нибудь в паре, а против них — двое военных (у него в учениках многие и всякие люди). Старший по званию командует партнеру: «Взять!» — и, представляете, тот отбивает неотразимый мяч.

— Интересно, как воспринимает ваши сатирические произведения и сам факт вашего концертирования Николай Павлович Задорнов, прозаик серьезный и глубокий?

— Его изначально раздражало то, чем я занимался в художественной самодеятельности. Он видел меня инженером, поэтому я поступил в Рижский политехнический институт, причем на латшское отделение (это было то доброе время, когда жители Прибалтики еще не знали, что не любят русских). После первого курса отец отправил меня, 18-летнего, в экспедицию на Курильские острова, познавать жизнь. Я был рабочим отряда ботаников, в мои обязанности входило запрячь и распрячь лошадей, погрузить и привезти продукты, словом, черная работа. Тогда я впервые увидел деревья северной тайги, переплетенные тропическими лианами... Довелось постранствовать по

ло трогательное зрелище, апофеоз верности своему вузу. И зал встал, и у зала стоял комок в горле... После чего Николай Павлович изменил свое отношение к моему выбору. Ну, а сейчас ему что-то мое нравится, а что-то он не принимает.

Кстати, у вас может сложиться впечатление, будто МАИ готовит только писателей-сатириков и артистов. Тогда как у него более широкий диапазон: он готовит, например, талантливых композиторов...

— Ну что вы, я в курсе. И великодушных хоккеистов... Скажите, а в Америку вы ездили как кто? Как турист?

— Как Михаил Задорнов, с концертами. Выступал перед эмигрантами, очень благодарной публикой. Вынес из поездки острое ощущение: умы, уехавшие от нас, там одиноки. Мы, дома, добры еще и к собственной нищете. А там все подчинено деньгам, все считают деньгами... Между прочим, о деньгах: импресарио меня обчистил, в конце поездки скрылся, прихватив с собой сбор от последних концертов и оставив неубедительное письмо.
— Американский импресарио — и удрал с деньгами?

325